

КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОИСКА

Л. В. Лаенко

Воронежский государственный университет

В статье обсуждаются сущность и известные современной когнитивной науке модели категории ментальной репрезентации как оперативной формы ментального опыта с проекцией на теорию значения. Делается вывод об относительной гибкости форм репрезентации информации, их роли и месте в строении ментального опыта субъекта, а также о правомерности совмещения прототипического подхода и теории необходимых и достаточных признаков при определении значения слова.

Настоящий момент в лингвистической науке интересен тем, что в ней произошел существенный методологический сдвиг, сам по себе вполне естественный и обусловленный наличием сложных взаимосвязей между мыслью, языком и деятельностью (поведенческими структурами) человека, многоаспектностью функционирования языка в процессе познания, коммуникации и деятельности людей. В результате смены научных парадигм, начавшейся в 70-е годы XX века, и становления парадигмы антропологической лингвистики, в которой язык мыслится не как некоторая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, формирующаяся в фундаментальных своих чертах под влиянием его общего биологического и нейрофизиологического устройства и тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека, его личностью и знанием о мире, внимание лингвистов сконцентрировалось на когнитивных аспектах языка.

В основании тех кардинальных перемен, которые осуществляются сегодня в науке о языке, лежит не только постоянное и известное нам с древнейших времен стремление прояснить общие механизмы и закономерности языка и мышления, но и задача, сформулированная еще В. Гумбольдтом и заключающаяся в необходимости «исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме — не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [4, 75].

© Лаенко Л. В., 2007

В рамках общих задач лингвистики как науки, призванной раскрыть суть языковой коммуникации, необходимость понять то, как человек способен перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы информации в крайне ограниченные промежутки времени, вызвала заостренный интерес к когнитивным аспектам языка, приобрела на настоящем этапе развития научного знания особую актуальность и значимость. Отличительной чертой когнитивного подхода к языку стало понимание того, что язык — это лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать, и что для его познания необходимо привлечение понятий не только памяти, физиологических, психологических, психофизиологических свойств человека, но и знаний о мире, социального контекста высказываний, способов взаимодействия и организации **всех типов знаний** (выделено нами. — Л. Л.), а также всей деятельности человека [2, 6]. Язык мыслится как определенная и весьма существенная для человека **форма** существования знаний. В связи с этим, постулируется необходимость различения существования мира реального как источника наших знаний и мира отраженного, то есть мира, **проецируемого** нашим сознанием, формируемого под влиянием неосознанных процессов организации получаемой извне информации. Основопологающим тезисом когнитивного подхода к языку стала идея, сформулированная на основе данных психологии, особенно гештальтпсихологии, о связи передаваемой языком информации с миром отраженным, поскольку «люди могут говорить о вещах лишь в той степени, в которой они достигли **ментальной репрезентации**» [18, 93].

Несмотря на большую востребованность в различных исследованиях, понятие ментальной репрезентации остается одним из самых сложных в психологическом, психолингвистическом и лингвокогнитивном лексиконе. Рассмотренное в исторической перспективе, оно претерпело изменения, отражающие основные направления теоретического и методологического поиска, проследить которые видится полезным в целях более отчетливо представить сущность этой категории.

Так, в рамках когнитивного подхода впервые эксплицитно было указано на то, что знания, хранящиеся в памяти, влияют и на сам процесс когнитивной переработки. Поэтому предполагалось, что «вход» в систему переработки информации зависит не только от стимуляции, но и от опыта (в широком смысле) отражающего субъекта. Логическим следствием такого допущения стала констатация неизоморфности между параметрами стимула и элементами субъективного образа.

С данной трактовкой переработки информации хорошо вначале согласовывалось понятие репрезентации, предлагаемое М. Айзенком. Согласно мысли автора, «репрезентация сводится к знаку или набору символов, которые «репрезентируют» нам что-то» [26, 204]. М. Айзенк подразделяет репрезентации на внешние (рисунки, карты, письменную речь и др.) и внутренние. Внутренние (ментальные) репрезентации отражают только некоторые аспекты среды. Фактически, при таком подходе содержание понятия «репрезентация» отождествляется с содержанием субъективно отраженного.

С появлением же новых объяснительных схем в психологии зарождается неоконгнитивистский подход и предлагается идея о том, что при исследовании содержания психического отражения следует принимать во внимание не только имеющиеся предварительные знания (схемы и пр.), но и ту цель, на выполнение которой направлен процесс познания. Исследования раннего Ж. Пиаже и введенные им понятия ассимиляции и аккомодации были призваны объединить теорию восприятия и действия: отражается только то, что необходимо для реализации направленного (адаптивного) действия.

Зависимость содержания репрезентаций от условий и целей деятельности выражена и в противопоставлении знания и репрезентации, предложенного Ж.Ф. Ришаром: «Репрезентации, с точки зрения их природы, необходимо отделить от знаний и верований... Репрезентации учитывают всю совокупность элементов ситуации или задачи...

Репрезентации имеют переходный характер: когда задача выполнена, они заменяются другими репрезентациями, связанными уже с другими задачами. Знания — это тоже конструкции, но обладающие постоянством и существенно не зависящие от выполняемой задачи» [17, 5].

На сегодняшний день существует ряд моделей репрезентации как формата психического отражения (что еще раз подтверждает несомненную важность данной категории для решения проблем познания и познавательных процессов): *признаковых* [32], *сетевых* [7], *коннекционистских* [5; 12; 21; 23; 24; 28], *множественных* [25; 26; 31] и др. Рассмотрим подробнее наиболее авторитетные из них, которые могут оказаться полезными для более глубокого осмысления познавательных процессов, в том числе и вербальной деятельности человека.

Итак, *признаковые модели*.

В признаковых моделях структурными единицами ментальной репрезентации являются признаки. В самой ранней признаковой модели Коллинза и Квиллиана (1969) объект однозначно задавался набором признаков, объединенных в таксономию. Таксономия состоит из узлов и связывающих их дуг. В каждом узле, который репрезентирует концепт, хранятся только признаки, присущие данному концепту. Концепты организованы иерархически посредством связи включения, т. е. «быть чем-то вроде...». Что касается признаков, которые являются общими для нескольких концептов, они хранятся в концептах, занимающих суперординарное положение в иерархии. Чтобы получить полный набор признаков какого-либо концепта, достаточно подняться по иерархическому дереву концептов. Авторы ввели меру общности концептов, используя понятие дистанции, которое измеряется количеством шагов, отделяющих сравниваемые концепты друг от друга. Так, авторы показали, что латентное время оценки утверждения «канарейка — птица» меньше, чем латентное время оценки утверждения «канарейка — животное», так как для первого необходимо подняться на один уровень, а для второго — на два. Другими словами, каждый объект задается совокупностью признаков по всему дереву класса. Из этого логически следует, что все объекты, принадлежащие к одному классу, являются эквивалентными.

Признаковые модели, таким образом, исходят из предположения, что каждый признак обладает собственной изолированной репрезентацией, переработка которой происходит независимо от других [16, 30]. Предполагается, что каждый сти-

мул обладает стабильным и неизменным набором признаков, иерархически или линейно упорядоченных. Чем бóльшим количеством общих признаков обладают слова, тем ближе друг к другу они будут располагаться в долговременной памяти. В зависимости от того, какие операции с признаками предлагают авторы, ментальные репрезентации могут быть описаны как таксономии, вектор, матрица, совокупность признаков, точка в многомерном пространстве и т.д.

Однако вскоре были получены экспериментальные данные (например, неравное время оценки «равных» с таксономической точки зрения объектов), которые потребовали ввести уточнение в модель ментальной репрезентации, что вынудило ряда ученых ввести в модель семантической репрезентации помимо таксономически организованных признаков еще и «случайные» [32]. Первые признаки, получившие название *обязательных*, задают границы определенной категории. Вторые признаки называются характеристическими, и с их помощью удается смоделировать вариативность объекта в пределах неизменной категории. Характеристические признаки не обязательно присущи всем объектам данного класса (например, страус входит в класс птиц, но не обладает признаком «умеет летать»).

Авторы первых моделей семантической памяти (например, А. Коллинз, К. Квштаан) отстаивали таксономическую структуру признаков, основанную на операции включения. Другие, возникшие позднее, модели, например, модель А. Тверски, — использовали стратегию попризнакового сравнения (*feature-matching*). Широко известная модель логогенов Дж. Мортон постулирует существование в памяти определенного набора признаков (логогена) для каждого слова-стимула. Человек узнает слово, если входной перцептивной информации оказывается достаточно для активизации логогена (см. [6, 15]).

Другие модели строятся с учетом весовых коэффициентов признаков.

Сетевые модели отображают «обширную сеть связанных между собой понятий» [7, 164]. Сетевые модели, отмечает Р. Клацки, напоминают концепции «стимул — реакция», в которых память описывается как пучок ассоциаций. Сторонники сетевых моделей считают возможным образование ассоциаций разного рода. Преимуществом сетей является их упорядоченность и компактность [7, 165].

Третий класс моделей ментальной репрезентации — *коннекционистские модели*. В соответствии

с данной теорией след восприятия стимула включается в общую систему следов памяти, представляющую собой распространение активации. Ментальные репрезентации, таким образом, описываются не как таксономия или матрица, а как **паттерн активации сети, состоящей из узлов и связей**. Схемы, вероятно, могут быть отнесены к коннекционистским моделям. Если судить по предлагаемым определениям, схемы имеют много общего с сетью. Основное же различие моделей схемы и сети, как представляется, состоит в том, что ментальные репрезентации, имеющие форму схемы, предполагают влияние внутреннего контекста при обработке поступающей информации, а ментальные репрезентации сетевого типа отрицают возможность такого влияния.

Для понимания механизма функционирования схемы оказалось необходимым привлечение представления о прототипе. Схемы описывают некоторую идеальную (или прототипическую) ситуацию [12, 78]. Следовательно, если сообщение не содержит конкретной информации для заполнения слотов схемы, они заполняются признаками, являющимися типичными для данных объектов или ситуаций. В случае получения специфической информации прототипические детали отходят на задний план. Основная идея, однако, состоит в том, что прототипические представления, сформированные с учетом предшествующего опыта индивида и лежащие в основе схем, оказывают существенное влияние на восприятие новой информации. Необходимо также учитывать, что схемы являются гибкими образованиями, изменяющимися под влиянием новых наиболее часто встречающихся контекстов.

Кроме схем, ученые пользуются понятием *фрейма* для описания особенностей языкового поведения внутри определенной сферы опыта, справедливо утверждая то, что, помимо когнитивной, фреймы обладают и коммуникативной функцией, представляя собой интегрированные образцы концептуализации и взаимодействия с социальной реальностью посредством языка [22, 113].

С понятием фрейма перекликается выдвинутое М. Тернером и Ж. Фоконнье [23, 24] понятие *концептуальной области (conceptual domain)*, охватывающее широкую сферу знания. Концептуальные области создаются на основе так называемых *ментальных пространств*, описывающих информацию определенной разновидности и сферу ее использования [5, 386]. Каждое ментальное пространство определяет свой смысловой контекст, имеет свою эмоциональную окраску, характеризу-

ется своими особенностями построения действия. (В связи с этим, В. В. Петренко, в частности, отмечает, что «в ментальном пространстве русских сказок принято летать на ковре-самолете или использовать в качестве средства передвижения серого волка и непозволительно, скажем, пользоваться телефоном» [13, 25]). По перспективному замечанию Дж. Лакоффа, ментальные пространства выступают в роли возможных миров и ситуаций. Они характеризуются фрагментарностью, не предполагая обязательной репрезентации всего, что есть в мире, концептуальны по сути, обладают чисто когнитивным статусом [28, 173].

Представляется, что понятие фрейма может помочь нам не только при описании широких комплексов знаний, но и при рассмотрении структуры значения отдельного слова. Так, подвергая критике одноуровневый анализ значения слова через перечень признаков, Л. Барсалоу **небезосновательно** представляет значение как набор показателей по **разным** параметрам (**Attribute — Value Sets**) и поясняет, что он использует слово *параметр* (*attribute*) в том же значении, в каком другие ученые используют термины *измерение* (*dimension*), *переменная* (*variable*), *слот* (*slot*), в то время как под признаками (*features*) понимаются независимые одноуровневые компоненты [21, 4]. При использовании признака для описания другого объекта или действия он становится параметром, средством разграничения объектов. Например, объекты, характеризующиеся одним и тем же параметром цвета, могут различаться по показателям параметра размера и т.д. Показатели параметра также не являются атомарными единицами и могут, в свою очередь, быть конкретизированы. Например, показатель «ноги» параметра «средство передвижения» может быть уточнен следующим образом: «ноги человека», «ноги лошади» и т.д.

В связи с этим, на наш взгляд, интерес представляет возможность комбинации двух подходов при определении значения слова: прототипического подхода и теории необходимых, и достаточных признаков. Значение определяется исходя из наиболее существенных свойств денотата, которые могут сопровождаться наиболее типичными условиями его проявления. Если допустим одновременный учет необходимых признаков объекта и прототипических ситуаций проявления таких признаков, возможно, не исключено сочетание признаковых моделей ментальных репрезентаций и фреймовых моделей, предполагающих прототипический подход. Фреймы, схемы, ментальные пространства

структурируются в сознании определенным образом. Наиболее широко известными способами организации фреймов являются сценарии и скрипты. *Сценарии* представляют собой стереотипную последовательность в прототипической ситуации [12, 75] и характеризуются жесткостью и схематичным характером. Набор хорошо знакомых сценариев составляет *скрипт*. Так, писатели, как правило, избегают эксплицитного выражения информации, которая может быть выведена читателем с опорой на скрипты.

Структурирование ментальных пространств осуществляется с помощью когнитивных моделей или идеализированных когнитивных моделей (**idealized cognitive models**). **Идеализированные** когнитивные модели — это упрощенные ментальные конструкторы, организующие различные сферы человеческого опыта, как практического, так и теоретического. Существующие в нашем сознании идеализированные модели упрощают окружающий нас мир. Они схематично описывают настоящую ситуацию путем выделения ее ключевых компонентов, помогают предвидеть возможные изменения в будущем и подсказывают адекватную реакцию, в том числе и вербальную, на эти изменения.

Но тот факт, что подкласс (например, страусов) может не обладать дефинитивными признаками класса (птицы), потребовал разработки нового типа моделей, где семантическая репрезентация понимается не только как подчиняющаяся операции «включения» (когда каждый класс непосредственно и единственным образом связывается с суперкоординатным, или надстоящим классом и когда все объекты класса являются эквивалентными).

Одним из вариантов решения проблемы оказались *множественные модели* ментальной репрезентации. Сторонники множественных моделей репрезентации исходят из того, что имеется несколько принципиально различных форматов хранения информации, объясняющих многообразие наших знаний. Форматы репрезентации обладают разными свойствами (специфичный формат входа, хранения и выхода), и, следовательно, недопустимо описывать одну форму репрезентации (например, образную) в терминах, присущих другой форме репрезентации (например, вербальной), что звучит более чем разумно.

Самой известной моделью двойной репрезентации является модель А. Пайвио [25]. Автор предположил, что существует две независимые системы репрезентации — образная и вербальная, но эти формы расположены на одном и том же

уровне когнитивной системы. Каждая форма репрезентации специализируется для переработки информации определенного типа, но между ними нет отношений соподчинения. Автор вводит две независимые системы кодирования — невербальную и вербальную. В модели постулируется, что вербальные и невербальные символические системы функционируют разными способами, и каждая из них специализируется в кодировании, организации, хранении и воспроизведении разных типов информации. Обе системы имеют специфичные входы и единицы репрезентации. Автор вводит в качестве единиц вербальной репрезентации «логогены» (термин, заимствованный у Мортонна) — «похожие на слова сущности, включающие визуальные и фонематические признаки», а единицами невербальной репрезентации являются «имагены», которые «кодируют модально-специфическую информацию о невербальном, перцептивном и сенсорно-моторном опыте». В имагенах сохраняются «некоторые перцептивные характеристики, и они изоморфны или аналогичны объектам». Иными словами, в невербальной системе объекты хранятся как интегративные, континуальные, холистические репрезентанты, которые «не могут быть разделены на отдельные элементы». Между обеими системами существуют связи, так что для каждого имагена имеется один или несколько логогенов и наоборот. Автор показал, что разные задачи адресуются либо одной из систем, либо обеим. В том случае, если работают обе системы, процесс когнитивной переработки осуществляется эффективней.

Теория двойного кодирования нашла широкое экспериментальное подтверждение. Например, она объясняет, почему процесс когнитивной переработки тех явлений, для которых не удается найти образных аналогов, отличается от переработки высокообразных событий. Согласно этой модели, продуктивность запоминания повышается в том случае, если информация имеет двойную форму кодирования. Вспомним факты лучшего запоминания тех слов, которые легче вызывают образные представления, по сравнению со словами, не имеющими образных коррелятов. Образная память имеет большую стойкость, чем вербальная.

Вместе с тем, теория Пайвио, несмотря на все свои достоинства, «недостаточно определила механизмы переработки выделенных единиц», как постулируют её критики [26]. Этот недостаток был восполнен в экспериментах Косслина (см. в [26, 211]). С именем Косслина связывается введение основной дихотомии, описывающей менталь-

ную репрезентацию как образную (пропозициональную) или аналоговую (абстрактную). Аналоговая репрезентация является недискретной, конкретной (т.е. тесно связана с определенной перцепцией (модальностью), перцептивно (модально)-специфичной). Пропозициональная репрезентация является дискретной, построенной по определенным правилам синтаксиса и абстрактной (т.е. перцептивно (модально)-неспецифичной). В большинстве исследований аналоговая репрезентация связывалась с *образным кодом*. Результаты современных психологических экспериментов действительно свидетельствуют о близости образного кода и *перцептивного образа*, но между ними имеются некоторые различия [17, 47]:

— образный код сохраняет форму и расположение объектов, т.е. их топологические свойства;

— образный код не связан с определенной перцепцией. Это означает, что образный код является более абстрактным, чем, скажем, визуальное кодирование;

— образный код не разложим на части;

— образный код, благодаря пространственным свойствам, может организовать информацию, не обладающую пространственными характеристиками.

Действительно ли образные репрезентации являются формой знаний, в которой выражается интерпретация знаний, хранящихся в другом формате? Наиболее радикальным в сомнениях по поводу существования образного формата является композиция З. Пылишина [29]. Автор так же, как и приверженцы «образной репрезентации», постулирует единый формат ментальной репрезентации, но имеющей, однако, амодальный характер. Этот формат является внутренним языком как для образной, так и для вербальной информации. В качестве аргумента в пользу амодальности «образного» знания З. Пылишин указывает на то, что в случае забывания какого-то образа мы забываем существенные, а не случайные его части, что имело бы место, будь образ чем-то вроде картинки. Кроме того, автор полагает, что существует некий пропозициональный код, опосредующий связь между вербальным и невербальным кодами. В подтверждение своей позиции З. Пылишин вводит понятие *когнитивной проницаемости*: если образы работают в определенной среде, то, являясь частью функциональной архитектуры, они не могут видоизменяться под воздействием процессов более высокого уровня, к которым относятся верования, цели, надежды (так, программное обеспечение не может модифицировать архитектуру жесткого

диска). В том случае, если наши верования, цели, надежды не могут проникнуть в функциональную архитектуру мысли, наши образы являются когнитивно непроницаемыми; если же они могут быть изменены, то они, по сути, являются такими же, как и пропозициональные репрезентации.

В конечном счете, в настоящее время психологи пришли к общему мнению относительно гибкости форм репрезентации информации. Вопрос состоит лишь в том, в каких условиях какие формы ментальных репрезентаций предпочитают носители языка для оперирования ими в различных видах своей деятельности, в том числе и вербальной, что в результате приводит к формированию ментального образа, понятия об объекте внешнего мира. Каждая из моделей предлагает свой взгляд на сущность и структуру такой категории, как ментальная репрезентация, но несомненно одно — это актуальный образ того или иного конкретного события, т. е. субъективная форма видения происходящего.

Связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных способностей (зрительного восприятия, музыкального слуха, управления мышечной системой и т.д.) является семантика, которая никоим образом не может быть отделена от познания. «Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [27, X]. Р. Джакендофф, в частности, в связи с этим справедливо полагает, что важным источником эмпирических данных для теории познания является в том числе и грамматическая структура естественного языка.

Считая необходимым для разрешения традиционных проблем семантики привлечение как психологических, так и грамматических данных, автор вводит в качестве критериев адекватности семантической теории наряду с такими, как, выразительность, универсальность, композициональность и объяснение семантических свойств (синонимичности, аномальности, аналитичности и пресуппозициональности), два ограничения — грамматическое и когнитивное. В соответствии с когнитивным ограничением существует уровень ментальной репрезентации, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка, сопоставляется с информацией, поступающей от различных органов чувств. Есть основания называть, вслед за Р. Джакендоффом, этот единственный в своем роде уровень ментальной репрезентации, на котором происходит совмещение лингвистической, сенсорной и моторной информации, **концептуальной структурой**.

Нельзя не согласиться с мнением З. А. Харитончик [18] о фундаментальности и перспективности семантической теории Р. Джакендорффа для решения проблем когнитивной лингвистики. Достаточно лишь отметить её требование обязательной опоры при описании значений и определении семантических компонентов как на лингвистические процедуры, так и на данные психологии восприятия, благодаря чему набор семантических примитивов, необходимых для семантического анализа той или иной лексической подсистемы, предстает не как произвольно полученные «данные», но как результат психологического и лингвистического исследования. В конечном итоге лексическое значение есть не что иное, как единица концептуальной структуры, результат некоторой «идеализации», или концептуализации ситуации, в которой для представления целого используются лишь определенные аспекты сцены, и абстрагирования, или игнорирования других аспектов.

Работа Р. Джакендоффа, являя собой теоретический фундамент для дальнейших семантических исследований, предстает в то же время как некоторый итог многочисленных исследований в области антропологии, психологии, философии и лингвистики, направленных на доказательство принадлежности языковых категорий нашему когнитивному аппарату, на раскрытие концептуальной сущности и структуры языка. Утверждая когнитивную природу языковых явлений и видя в ней непосредственное проявление связей реального мира, познавательной деятельности и языка, ученые стремятся также проникнуть в тайны формирования языковых категорий, а тем самым в сущность значения единиц, их называющих. Глобальный вопрос о том, как происходит выбор тех или иных характеристик, которые в своей совокупности образуют концепт или прототип, составляющий значение языковой единицы, называющей тот или иной объект или класс объектов, и не менее глобальный вопрос о том, как организуются выбранные характеристики в структуре значения, каковы принципы или схемы структуризации компонентов прототипов, позволяющих людям легко ими пользоваться, несмотря на всю их сложность и диффузность [32, 53], мыслятся как тесно взаимосвязанные с проблемой формирования концептуального опыта человека, построения когнитивных моделей, разработки базисных категорий нашего мышления. Таким образом, вновь в конце XX столетия в поисках научной истины слились интересы когнитивной психологии и лингвистики (а также логики, философии, семиотики,

информатики и других наук), а теория значения приобрела общенаучный характер. Вспомним слова Ж. Пиаже: «Пятьдесят лет экспериментальных исследований убедили нас, что знания не являются результатом простой регистрации наблюдений. Процесс познания невозможен без структуризации, осуществляемой благодаря активности субъекта. Не существует также (у человека) априорных или врожденных когнитивных структур: наследственным является лишь функционирование интеллекта, которое порождает структуры только через организации последовательных действий, осуществляемых над объектами» [14, 90]. Отметим лишь еще раз, что значение в современных научных парадигмах рассматривается как когнитивный феномен, его образование объединяется с процессами концептуализации, и в ходе коммуникации репрезентация значения слова должна вписываться в ряд различных ментальных процессов [9; 10]. Вся совокупность познавательных процессов, происходящих в мозгу человека и составляющих собственно человеческую познавательную способность есть иерархия разноразмерных когнитивных структур, которые на основе когнитивного синтеза «снизу» и «сверху» образуют единую структуру **человеческого интеллекта**.

Центральную роль в **становлении** интеллекта играют структуры знания (концепты), ибо они, включая в себя все нижележащие уровни когнитивных структур, выступают в качестве «формы интегральной работы интеллекта», а сам концепт выступает как «интеллектообразующая интегративная единица» [1, 661—662]. В качестве психического носителя свойств интеллекта рассматривается индивидуальный ментальный опыт [19].

По своему назначению интеллект — это общая познавательная способность, которая проявляется, во-первых, в том, **как** человек воспринимает, понимает и объясняет происходящее и, во-вторых, в том, **какие решения** он принимает и **насколько эффективно** действует в той или иной ситуации. По своему онтологическому статусу *интеллект — это особая форма организации индивидуального ментального опыта в виде наличных ментальных структур и строящихся в рамках этого пространства ментальных репрезентаций происходящего*. Свойства интеллектуальной деятельности производны по отношению к особенностям состава и строения ментального опыта субъекта [8, 276].

Ментальные структуры — это относительно стабильные психические образования, которые в

условиях познавательного контакта субъекта с действительностью обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и её преобразование, управление процессами переработки информации и избирательность интеллектуального отражения.

Ментальное пространство — это субъективный диапазон отражения, в рамках которого возможны разного рода мысленные перемещения. Ментальное пространство представляет собой динамическую форму ментального опыта, поскольку оно, во-первых, разворачивается наличными ментальными структурами в условиях актуального интеллектуального взаимодействия субъекта с миром и, во-вторых, обладает способностью к одномоментному изменению своей типологии и метрики под влиянием субъективных и объективных факторов (аффективного состояния человека, появления дополнительной информации, эффектов «кристаллизации опыта» и т.п.). Одним из косвенных доказательств существования ментального пространства является описанная Я. А. Пономаревым способность человека действовать «в уме» [15].

Итак, ментальная репрезентация — это актуальный образ того или иного конкретного события, т.е. субъективная форма видения происходящего. Ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они изменяются по мере изменения ситуации и интеллектуальных усилий субъекта, являясь специализированной умственной картиной события.

В свою очередь, особенности организации ментального опыта предопределяют свойства индивидуального интеллекта на уровне как продуктивности интеллектуальной деятельности (в виде интеллектуальных способностей), так и индивидуального своеобразия склада ума (в виде индивидуальных познавательных стилей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л. М. Веккер. — М.: Смысл. — 1998. — 420 с.
2. Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Наука, 1988. — С. 5—11.
3. Гостев А.А. Образная сфера человека / А. А. Гостев. — М.: Наука, 1992. — 410 с.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языковедению. — М.: Наука, 1984. — С. 36—298.

5. *Дисмор А.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения / *А. Дисмор* // *Язык и интеллект*. Под ред. В. И. Герасимова и В. П. Нерознака. — М.: Прогресс, 1996. — С. 385—411.
6. *Залевская А.А.* Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях / *А. А. Залевская*. — Калинин, 1978. — 178 с.
7. *Клацки Р.* Память человека / *Р. Клацки*. — М.: Мир, — 1978. — 319 с.
8. *Когнитивная психология: учебник для вузов* / под ред. В. Н. Дружинина, *Д. В. Ушакова*. — М.: ПЭР СЭ, 2002. — 480 с.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / *Е. С. Кубрякова*; *Рос. акад. наук, ин-т языкознания*. — М.: Яз. славянской культ., 2004. — 560 с.
10. *Лаенко Л.В.* Перцептивный признак как объект номинации / *Л. В. Лаенко*. — *Монография*. — *Воронеж: Воронеж. гос. ун-т*, 2005. — 303 с.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / *Б. Ф. Ломов*. — М.: Наука, 1984. — 445 с.
12. *Норман Д.* Память и научение / *Д. Норман*. — М.: Мир, 1985. — 320 с.
13. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: учеб. пособие / *В. Ф. Петренко*. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 400 с.
14. *Пиаже Ж.* Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / *Ж. Пиаже* // *Семиотика*. — М.: Наука, 1983. — С. 5—20.
15. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию / *Я. А. Пономарев*. — М.: Наука, 1983. — 205 с.
16. *Ребеко Т.А.* Ментальная репрезентация как формат хранения информации / *Т. А. Ребеко* // *Ментальная репрезентация: динамика и структура*. — М.: ИП РАН, 1998. — С. 25—54.
17. *Ришар Ж.-Ф.* Ментальная активность / *Ж.-Ф. Ришар*. — М.: ИПРАН, 1998. — 232 с.
18. *Харитончик З.А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / *З. А. Харитончик* // *Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: Избр. труды*. — Мн.: МГЛУ, 2004. — С. 90—116.
19. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования / *М. А. Холодная*. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
20. *Anderson J.R.* Methodologies for studying human knowledge // *Behav. And Brain sci.* / *J. R. Anderson*. — 1987. — Vol. 10. — P. 467—505.
21. *Barsalou L.W.* Frames, concepts, and conceptual fields / *L. W. Barsalou* // *Frames, fields, and contrasts*. — Hillsdale, 1992. — P. 21—74.
22. *Barsalou L.W.* The instability of graded structure: implications for the nature of Concepts / *L. Barsalou* // *Neisser V. (ed.) Concepts and conceptual development: ecological and intellectual factors in categorization*. — Cambridge UP, 1987. — P. 17—31.
22. *Fauconnier G.* Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language / *G. Fauconnier* — Cambridge, 1994. — 190 p.
23. *Fauconnier G.* Blending as a central process in grammar / *G. Fauconnier, M. Turner* // *A. Goldberg (ed.), Conceptual structure, discourse and language*. — Stanford: CSLI, 1996. — P. 183—203.
24. *Clark J.M.* Dual coding perspective on encoding processes / *J. M. Clark, A. A. Paivio / McDaniel M., Pressley M. (Eds). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences, and Applications*. — 1987. — P. 5—33.
25. *Eysenck M.W.* Cognitive psychology / *M. W. Eysenck, M. T. Kean*. — Hove, Hillsdale: Lawrence Earlbaum Associates, 1997. — 542 p.
26. *Jackendoff R.* Semantics and cognition / *R. Jackendoff*. — L. — Cambridge (Mass.): the MIT Press. — 1983. — 283 p.
27. *Lakoff G.* Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind / *G. Lakoff*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1987. — 614 p.
28. *Pylyshin Z.W.* The imagery debate: Analogue media versus tacit knowledge / *Z. W. Pylyshin* // *Ps. Rev.* — 1981. — Vol. 88. — P. 16—45.
29. *Smith E.E.* Structure and process in semantic memory: A fitural model for semantic detections / *E. E. Smith, E. J. Shoben, A. Rips* // *Ps. Rev.* — 1974. — Vol. 81. — P. 214—241.
30. *Tversky A.* Similarity, seperability, and the triangle inquality / *I. Gati, A. Tversky* // *Ps. Rev.* — 1982. — Vol. 89. — P. 123—154.
31. *Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis / *A. Wierzbicka*. — Ann Arbor, 1985. — 340 p.